

**«ЛЮДИ БЕЗ ПРОШЕДШЕГО И БУДУЩЕГО»
(чиновники и взятка в законодательстве старой Руси)**

**Прошлое с нами и в нас,
как бы далеко оно от нас ни было**

Ардабацкий Е. Н., к. и. н., доцент

Как – то получилось за последние два десятка лет, что прежние общественные представления, настойчиво навязывавшиеся коммунистической идеологией о неизбежной линейности исторического процесса (известная «пятичленка», завершавшаяся социалистическим строем), вдруг опрокинулись.

Вместо ожидавшегося прогресса по восходящей линии, мы переживаем «конгломерат» формаций в одном, отдельно взятом пост - коммунистическом государстве с дореволюционным наименованием «Россия». Недавнее коммунистическое прошлое, в котором мы родились и выросли, стало для нас гораздо более далёким по восприятию и всё менее известным, чем русское средневековье или имперский период России, которые в свою очередь вызывают всё больший интерес аналогией далёких и современных явлений общественной и государственной жизни.

Одним из таких явлений является **взятничество**, достигшее, кажется, небывалого максимума именно в наши дни. А было ли оно раньше, и когда и с чего началась эта неистребимая беда нашего Отечества? И если мы уж оказались «опрокинутыми» в наше чуть ли не средневековье, то хоть посмотрим, каково же оно было в законодательном отношении судов, судей - чиновников и исторически – неистребимых взяток?

Заглянув в своё далёкое и столь близко – понятное прошлое, мы увидим, что это позорное явление исторически оказывается неотделимым от определённого социального слоя – **чиновничества**, сформировавшегося в бюрократическую касту в двухсотлетний период Российской империи.

В эпоху апогея самодержавия – при императоре Николае I – министр народного просвещения граф С. С. Уваров (да – да, тот самый, кто словесно отлил известную формулу государственной идеи - «православие, самодержавие, народность», - столь тщетно искомую в настоящее время); дал он и бессмертную формулировку чиновничества как нового социального слоя общества.

В своей всеподданнейшей записке на Высочайшее имя «О системе чинов в России», С. С. Уваров предупреждал императора, что вскоре *«вся государственная служба перейдёт в руки чиновников, составляющих у нас многочисленное сословие людей без прошедшего и будущего, обыкновенно довольных одним настоящим и имеющих только корыстные и властолюбивые наклонности, которые и будут в полном смысле двигателями нового порядка служения и единственным мерилom служебной иерархии»*. (1)

Корнями же своими отечественное чиновничество уходит в эпоху начала нашей государственности, формирования управленческого аппарата, возникновения и развития Российского законодательства и становления права. Поэтому начинать, как всегда, приходится с эпохи Киевской Руси.

«А посулов бояром, и околничим, и днаком от суда не имати никому»

Во времена Древнерусского государства (X – XII вв.) несложные функции государства осуществлял сам князь со своей дружиной, состоявшей из старших и младших дружинников. Старшие назывались **боярами** и из них назначались наиболее важные чины

княжеской администрации: бояре – огнищане, посадники, тысяцкие и другие. Боярин – огнищанин – приближённый князя, его главный управитель, при котором в немногочисленной княжеской администрации существовали агенты, выполнявшие различные функции управления княжеским или боярским хозяйством. Это были тиуны, назначаемые из дворовых слуг князя. **Тиун**, он же ябетник – княжеский приказчик, а также судебное должностное лицо.

Тиуны присутствовали на суде князя и посадника, нередко даже замещали их в суде, им поручалось заведование княжеским хозяйством в сёлах и на княжеском дворе. Другими должностными лицами княжеского управления были, взимавшие штрафы и налоги, мытники, вирники, пятенщики и другие. (2)

Но мы остановимся пока на **боярине - огнищанине** и **тиуне**, этих первостепенных княжеских управленцах, чья жизнь оберегалась угрозой смертной казни или невероятно высоким штрафом.

Важнейший памятник древнерусского права – «Правда Роськая» или **Русская Правда** великого князя Ярослава Мудрого (XI в.) в ряду некоторых из десятков своих статей устрашающими мерами старалась предотвратить преступления против этих высших привилегированных княжеских слуг; *«Аже убьют огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место; а то же покон и тивунцу».* *«А в княжи тивуне 80 гривен».*

Казнь княжеским судом убийцы боярина – огнищанина и тиуна и 80 гривенный штраф почти равносильны – преступнику никогда не собрать такой суммы денег, ведь одна гривна серебра (слиток) весила от 165 до 204 грамм, поэтому «вира» (штраф) в 80 гривен была просто невероятной для человека XI – XII вв. суммой, так как серебряных разработок вплоть до XIII в. Русь просто не знала и не имела, а в денежных операциях использовалось западноевропейское или восточное серебро. (3).

Как видим, эти единичные статьи древнейшего русского законодательства были направлены на охрану личности княжеских слуг и ещё ничего не говорили о преступлениях собственно управленцев из состава княжеской администрации.

Но это начальное законодательство стало основой развития русского права в следующую эпоху государственной раздробленности Руси (XII – XV вв.), когда в наиболее крупных и развитых регионах страны на их основе стали формироваться свои законодательные акты.

Таким важнейшим правовым документом локального характера стала **Новгородская Судная Грамота**, составленная в середине XV столетия - в период расцвета Новгородской феодальной республики и содержащая четыре десятка статей.

Государственные порядки Новгородской Земли, во главе с главным городом - «Господином Великим Новгородом», основывались на сохранении и развитии вечевого строя, угасшего в других землях, где доминировала княжеская власть. **Вече** – собрание полноправных жителей города мужского пола, было главной государственной и общественной прерогативой вольнолюбивых и независимых новгородцев. Но реальная власть всё – таки принадлежала **Совету**, состоявшему из бояр и высших чинов новгородской администрации – посадника, тысяцкого, старост городских концов, а возглавлял Совет **владыка** или выбираемый на вече архиепископ. Выборные **посадник** и **тысяцкий** представляли верхи новгородской администрации и осуществляли исполнительную власть. Посадник – первое по важности должностное лицо, избиравшееся на вече из представителей знатнейших боярских фамилий, председательствовал на вече, контролировал деятельность приглашавшегося Советом для военных дел князя, ведал внешнеполитическими делами, администрацией и судом. Ближайшим помощником посадника был тысяцкий – предводитель городского ополчения, в мирное время осуществлявший полицейский надзор за порядком в городе.

Институт **тиуна** прослеживается и в новгородском законодательстве. Именно он с посадником и тысяцким представлял новгородское судопроизводство, о чём говорит ряд

статей Новгородской Судной Грамоты. Посадник, тысяцкий и тиун обязывались «*судити суд по старине*». *А судити им право, по крестному целованью*».

В этих статьях видна законодательная «установка» как на обязательность справедливого суда, так и на запрещение **взятки**, которая обозначалась старинным словом «**посул**»: «...*А докладшиком от доклада посула не взять, а у доклада не дружить никою хитростью, по крестному целованью*». Докладчик – это судья, ведший дело при передаче его из низшей в высшую инстанцию. Примечательно, что институт **доклада** представлял своеобразную форму контроля вышестоящего суда над нижестоящим и был зародышем апелляционного производства в средневековой России.

А эти, на первый взгляд кажущиеся едва ли не шифрограммой строки законодательства ХУ в., весьма резонируют с нашим временем, запрещая брать взятки (посулы) и решать дела по дружбе. Видимо, одновременно приносилась и специальная присяга с целованием креста, как бы призывавшая в свидетели божественную силу, что суд будет правый, то есть справедливый.

Другим крупнейшим памятником феодального права эпохи государственной раздробленности Руси была **Псковская Судная Грамота** второй половины ХУ в., имевшая 120 статей. В этом, обращённом к вечевому миру городской общины кодексе права Псковской феодальной республики мы снова встречаемся со схожей терминологией посадника, да ещё и князя, присылавшегося во Псков великими князьями Московскими.

В начальных статьях Грамоты говорилось об условиях вступления выбранного вечем посадника в свою руководящую должность, который обязан был *крест целовати на том, что ему судить право по крестному целованью, а городскими кунами не корыстоваться, а судом не мстити ни на кого ж; а правого не погубити, а виновного не жаловати, а без исправы человека не погубити ни на суду ни на вечи*».

Посадник должен был судить справедливо, не красть государственную новгородскую казну («городскими кунами не корыстоваться»), без основания не наказывать людей.

Другая статья прямо запрещала князю и посаднику брать тайную взятку» «*А тайных посулов ни имати ни князю, ни посаднику*».

В содержащемся в этих статьях тексте посадничей присяги, особенно значим для современности нравственный акцент – призыв не мстить судом, не губить правого и не оправдывать виноватого. Осуждалось и взяточничество – столь современный «тайный посул», но не говорилось о мерах наказания против этого разраставшегося явления.

Местной администрацией Псковской феодальной республики были **волостели** – должностные лица, управлявшие волостью (мелкая территориально – административная единица) от имени князя и ведавшие административными и судебными делами, за что «кормились» за счёт податного населения, взимая «корм» натуральными продуктами.

Одна из статей Псковской Судной Грамоты и говорит о запрещении им дачи взятки: «*А кто почнёт на волостелях посула сачить, да и портище соймёт, или конь сведёт, а молвить так: в посуле есьми снял, или конь свёл, ино бытии ему в грабежи, хто в посули снял или коня свёл*». В статье говорится о случаях, когда сторона в судебном процессе дала взятку (посул) волостелю. При этом волостель, будучи должностным лицом и «при исполнении», видимо, вымогал взятку и отнял у человека одежду или коня. В случае обращения в суд с иском пострадавшего лица, волостель отвечал за свои действия как за грабёж. (4)

В основе средневекового законодательства лежали прецеденты, перераставшие в порочную уголовную практику, с которой общество и государство боролись, столетия от столетия совершенствуя законодательство.

Примечательно, что со времени Новгородской и Псковской Судных Грамот слово «**посульник**» на Руси понималось как **взяточник**.

«А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и печалования не имати...»

Небольшое Московское княжество, начавшее расти и усиливаться со времени княжения Ивана Калиты, во второй половине ХУ в., при великом князе **Иване Васильевиче** (1462 – 1505) стало сердцевиной русской национальной государственности, объединив большинство русских земель и княжеств. Трудный и долгий процесс объединения Руси позволил одолеть самого страшного врага – Золотую Орду в стоянии на реке Угре 1480г. и избавиться от ордынского ига, которое четверть тысячелетия довлело над раздробленными русскими землями и княжествами. С конца ХУ в. новое русское государство стало называться Россией, а сам Иван III – государем Московским и всея Руси. Характерно афористичное выражение одного из редких иностранцев – европейцев о сути единого русского государства: «один царь – одна вера, один закон – одна мера».

Один закон на всё централизованное государство – это **Судебник 1497г. Ивана III** – этого создателя нашей государственности, русского средневекового законодателя.

Источниками Судебника 1497г. послужили «Русская Правда», грамоты Двинская и Белозёрская, а также Новгородская и Псковская Судные Грамоты. Но большая часть Судебника, введившего на всей территории Русского государства единообразный судебный и управленческий порядок, была написана вновь в соответствии с потребностями развивающейся централизованной системы власти и управления. Судебник торжественно объявляет судить «праведно», не брать «посулов» (взятки). Впервые взятки – «посулы», на которые до сих пор феодальная юстиция смотрела сквозь пальцы, законодательно запрещались по всей территории страны.

Судебник состоит из 68 статей, первая же из которых, как бы повторяя рассмотренные нами выше статьи Новгородской и Псковской Судных грамот, указывает на недопустимость взяточничества в суде: *«Судити суд бояром и околничим. А на суде быти у бояр и у околничих диаком. А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и печалования не имати; такоже и всякому судие посула от суда не имати никому. А судом не мстити, ни дружити никому»*.

Статья определяет состав боярского суда и пределы его компетенции. Суд осуществляется членами Боярской Думы, занимавшими высшие придворные должности и исполнявшими фактические обязанности судей. Примечательно, что в ограничения судебных прав бояр и необходимости ведения судопроизводства, в состав боярского суда включены дьяки. **Дьяк** – новая и очень перспективная секретарская должность и чин в развивавшемся аппарате управления допетровской России, он был начальником и письмоводителем канцелярий разных ведомств.

Первоначально дьяки появились в штате князя, и, как правило, занимались оформлением различных его грамот. Первоначально дьяки были неродовитыми, но грамотными чиновниками и избирались князем не их родовитых фамилий, «но паче от поповичов, или от простого всенародства» и являлись надёжной опорой государственной власти. Роль дьяков усиливается с возрастанием письменного делопроизводства, и с середины ХУ в. дьяки – уже землевладельцы, их ряды заполняют выходцы из среды мелких и средних феодалов – прораставшего служилого дворянства. С ХУ1 в. дьячество становится **чином** правительственной администрации; наиболее высокопоставленные из дьяческой среды – думные дьяки (низший думный чин), которые были секретарями и докладчиками Боярской Думы, составляли и редактировали проекты её решений и царских указов, вели думское делопроизводство.

С возникновением и развитием **приказной системы управления** (центральные органы ХУ1 – ХУП вв.), дьяки руководили канцеляриями – «дьячьими избами» в **приказах** (ранние предтечи министерств) и местных учреждениях и являлись компетентными людьми в политических, административных, финансовых и иных вопросах. Но в первую очередь дьяки вели делопроизводство в центре и на местах и в этом опирались на

постепенно разраставшийся штат чиновников помельче - **подьячих** и **писцов** (вспомогательного персонала русских средневековых канцелярий). (5)

Но снова обратимся к Судебнику 1497г., одна из статей которого примечательна своим запретом чиновничьих поборов в суде: *«А неделщиком на суде на боярина, и на околничих и на диаков посула не просити и не имати, а самимь от порукы посулов не имати».*

В статье указывается новое должностное лицо – **недельщик**, - в обязанность которого входили вызов в суд сторон, арест и пытка обвиняемых и передача в суд дел о воровстве, организация судебного поединка и исполнение решения суда.

Как и статья 1 Судебника, эта статья запрещает неделщикам брать посулы (взятки) как в свою пользу, так и в пользу судей, хотя и не устанавливает ещё ответственности за такой вид преступления. (6)

Заключает Судебник 1497г. статья, олицетворяющая утверждавшийся «один закон» - т. е. единый и, желательно, справедливый суд по всей территории только что сформированного Иваном III Российского государства: *«О посулах и о послушестве. Да велети прокликать по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Новгородские земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищца и ответчик судиям и приставам посулу не сулили в суду, а послухом не видево не послушивати, а видевши сказати правду».* В статье предписывается публичное объявление («прокликать по торгам») о запрещении взяток и лжесвидетельства. Данное установление дополняет ст. 1 Судебника 1497г. и завершает его запрещением судьям брать взятки (посулы) от истцов и ответчиков и решать дела, исходя из своих выгод. (7).

«...наместником нашим на въезд что хто принесёт, то им взяти»

Всё это хорошо законодательно, но за счёт чего же жить тогда формировавшемуся слою чиновников центральных и местных органов, ведь не только на Руси, но и в Российской империи до времён Екатерины II (инструкция губернаторам 1764г.) государственного жалованья большинству лиц аппарата управления государство не платило?

Однако издревле на Руси повелось, что в этом деле государство видело и применяло веками только один способ – коронной и местной администрации **кормиться за счёт населения.**

С созданием Иваном III единого Русского национального государства вводилась и централизованная система управления его территориями посредством **великокняжеских наместников** с дьяческим аппаратом и утверждалась система **кормлений.** Однако, практике прежних немереных поборов с населения, Иван III всё же решил положить конец, что законодательно проявилось в статьях **Белозёрской Уставной грамоты 1488 г.,** - первого из дошедших до нас законодательных актов единого Русского государства. Значение грамоты в том, что она впервые чётко отразила основные направления судебно – административной и социально – экономической политики великого князя Ивана III Васильевича.

Белозёрская Уставная грамота подробно регламентировала взаимоотношения между органами государственной власти в лице великокняжеских наместников и их аппарата управления - с местным населением. В грамоте впервые были точно установлены «кормы» наместников великого князя и их людей - тиунов и доводчиков (полицейских агентов). Статьи грамоты интересны конкретикой «корма» (натуральный или денежный оброк) со всего податного населения: *«1. Ввозезжого корму горожане и становые люди наместником нашим на въезд что хто принесёт, то им взятии».*

«2. А на Рожество Христова наместником нашим дадут корм ... с сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлебов десять денег, за бочку овса десять денег, за воз сена два алтына. А на Петров день дадут корм наместником нашим со всех же сох, с сохи за боран восьмь денег, за десятеро хлебов десять денег. А тиуном корм

рождественской и петровской впролы наместничья корму. А доводчиком побор со всех же сох: с сохи на Рождество Христово за ковригу денга, за часть мяса денга, за зобню овса две денги, а на Петров день доводчиком збор со всех же сох, за ковригу денга, за сыр денга».

В статье определяется порядок получения корма наместником великого князя, чья должность по территориальным масштабам сравнима с должностями современных губернаторов и полпредов, а также указаны виды корма и время его взимания. Корм взыскивался с земельно - податной единицы – «сохи».

В статье говорится о так называемом въезде корме, получаемом наместником при вступлении в должность, но размер этого корма определён не был. Вводя систему кормления, московская великокняжеская власть стремилась ограничить размеры корма, ввести твёрдые рамки для его взимания. Теперь нельзя уже было брать с жителей произвольные поборы: со всех «сох»: дважды в год наместник и его люди должны были получать строго фиксированные платежи – натурой или деньгами по приведённому в Уставной грамоте расчёту. Этим ограничивался произвол наместников, но рядом с ним мы видим подчинённых ему других «управленцев» - тиуна и доводчика, которые также содержались за счёт местного населения. А сколько же их могло быть в несложной структуре местной княжеской власти и управления?

Ответ даёт та же Белозёрская Уставная грамота, где впервые законодательно точно определялся состав наместничьего аппарата: наместник может держать и кормить за счёт местного населения только ограниченное количество своих помощников: всего 2 тиунов и 10 доводчиков (из них два – в городе): *«А наместником нашим оу них держати в городе и во станех два тиуна и десять доводчиков, во станех восемь доводчиков и два в городе. А станы и деревни своим доводчиком поделять».*

Но даже ограниченный состав наместнической администрации мог быть разорителен для крестьянина – налогоплательщика - основной работящей опоры государства. Поэтому, чтобы на «одного с сошкой» не наваливались «семеро с ложкой», следующими статьями вводилось ограничение не только штатных единиц аппарата управленцев, но и ограничивалось их пребывание в населённых пунктах – *«А доводчику ездити во стану без паропка и бес простыя лошади своего деля прибытка. А побора в стану и не братии, имати им свои побор оу сотцкого в городе. А доводчику из своего розделу в другой роздел не ездит. А где доводчик ночует, туто ему не обедати, а где обедает, тоуто ему не ночевати».* *«А наместники тиунов и доводчиков до году не переменяют».* *«А кормы наместничьи, и тиуновы, и доводчиковы поборы берут в станех сотцкие».*

Согласно этим статьям, станы и деревни поделены между доводчиками. Но они могут ездить по деревням своего «розделу» только в одиночку, а не с «паробками» (слугами) и не с запасными лошадьми. А «поборы» свои они не могут получить непосредственно у жителей, а только у сотского (выборного главы крестьянской администрации), да и то в городе. Время пребывания доводчика в деревне строго ограничено, наместник не может менять своих доводчиков чаще, чем раз в год. Все поборы с населения собирают сотские и привозят в город, где и расплачиваются с наместником и его людьми на Рождество (25 декабря) и на Петров день (29 июня).

А вот ещё одна любопытная и поучительная статья, строго ограничивающая контакты наместничьих людей с местными жителями: *« А тиуном и наместничьим людем на пир и на братчиноу незваным не ходити, а хто приедет к ним на пир и на братчиноу незван, и они того вышлют вон безпенно; а хто оу них имеет питии силно, а оучинится какова гибель, и тому то платити без суда, а от меня, от великого князя, бытии в казне».*

В статье устанавливается запрещение всем должностным лицам, состоящим при наместниках, являться на пиры и братчины (складчина) местного населения без приглашения. Этим центральная власть старалась ограничить произвол местной

администрации, чтобы избежать конфликтов, возникавших в случае появления своих управленцев в качестве незваных гостей на пирах горожан и крестьян. Как видно, недаром сложил русский народ по такому поводу известную поговорку...

В целом значение «Судебника» и Белозёрской Уставной грамоты в том, что они впервые чётко отразили основные направления судебно – административной и социально – экономической политики великого государя Московского и всея Руси Ивана III Васильевича на десятки лет вперёд. «Судебник» 1497 г. и Белозёрская Уставная грамота утверждали обязательные для исполнения законы на территории выстроенного Иваном III и крепнущего единого Русского государства. (8)

«А судом не дружыти и не мстити никому, и посулу в суде не имати...»

Эпоха **Ивана IУ Васильевича** (род. 1530, царь с 1547 по 1584) отмечена позитивной реформой правительства «Избранной рады» в области права – созданием **Судебника 1550г.**

Судебник был утверждён на заседании Земского Собора летом 1550г. и стал законодательным кодексом заключительного этапа складывания Русского централизованного государства в форме сословно – представительной монархии. В нём были развиты нормы феодального права прежнего Судебника 1497г. за счёт их уточнения и пополнения новыми статьями. Судебник состоит из 100 статей и структурно повторяет композицию Судебника 1497г.

Характерно, что первые же статьи Судебника 1550г. утверждают прежние нормы Судебника 1497г. о запрете взяток в судах; повнимательней остановимся на них – очень впечатляющий и актуальный текст:

« Суд царя и великого князя судити боаром, и околничим, и дворецким, и казначеем и дьяком. А судом не дружыти и не мстити никому, и посулу в суде не имати; такоже и всякому судье посулов в суде не имати». В статье сохраняется без изменений декларация Судебника 1497г. о запрещении взяток («посулов») и необходимости справедливого суда. Следующие приведённые статьи являются логическим продолжением и развитием этой статьи.

Они конкретизируют порядок отправления правосудия и впервые устанавливают ответственность судей за вынесение неправильного решения, то есть формулируют понятие должностного преступления. **«А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду безхитростно, или список подпишет и правую грамоту даст, а обещется то в правду, и боярину и дворецкому, и околничему, и казначею, и дьяку в том пени нет; а истцом суд с головы, а взятое отдати».**Статья специально оговаривает случай, когда неверное решение вынесено судьями «безхитростно», то есть вследствие заблуждения, ошибки или неопытности судьи. Ошибочное решение аннулируется, а всё неправомерно полученное - возвращается. При этом стороны получают право на пересмотр дела. Судьи за такое решение ответственности не несут, ибо в их действиях нет состава преступления.

В следующей статье впервые намечается состав должностного преступления – вынесение неправильного решения в результате получения взятки: **«А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возьмёт и обвинит не по суду, а сыщется то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначеи, или на дьяке взятии исцов иск».** В этом случае судьи несут материальную и уголовную ответственность. Они обязываются возместить истцу сумму иска и все судебные пошлины в трехкратном размере – **«пошлины царя и великого князя взятии втрое».** Что касается уголовной ответственности, то наказание в отношении высших должностных лиц определял глава государства.

Для более низких чинов судебного аппарата уголовная ответственность также устанавливалась Судебником: **«А которой дьяк список нарядит или дело запишет не**

по суду, не так, как на суде было, без боярского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обещается то в правду, что он от того посул взял, на том дьяке взятки перед боярином вполы да вкинути его в тюрьму». Как видим, дьяк, составивший за взятку подложный протокол судебного заседания либо неправильно записавший показания сторон или свидетелей, уплачивал половину суммы иска. Другую половину возмещал боярин, который как высшее должностное лицо, обязан был следить за своим подчинённым. Дьяк, кроме того, подлежал тюремному заключению – *«да вкинути его в тюрьму».*

За совершение того же преступления подьячего, *«которой запишет не по суду для посула без дьячего приказы, и того подьячего казнити торговою казнию, бити кнутём»*, то есть он подвергался торговой казни (битью кнутом), которая могла иметь смертельный исход. (9)

Российское законодательство эпохи Ивана Грозного в развитие Судебника 1497г. распространяло запрещение взятки и на местный низовой состав аппарата управления.

Так, в одной из статей **Медынского губного наказа 1555г.** говорится о наказаниях за взятку **выборных должностных лиц местного самоуправления** - губных старост и их помощников - целовальников (дававших присягу с целованием креста), участвовавших в суде наместников и волостелей. Отметим, что со времён Ивана Грозного на целую сотню лет низовое звено управленческого аппарата было **выборным** из «лучших людей» и состояло из губных и земских старост, целовальников и «излюбленных голов», представлявших сельское и городское самоуправление русского средневековья.

«А посулов и поминков губным старостам и целовальником в розбойных и татинных делех однолично ни у кого не имати некоторыми делы по государеву царёву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии крестному целованью. А которой староста и целовальник учнут посулы имати в розбойных и татинных делех, а доведут на него посул, и тому старосте и целовальнику от царя и великого князя бытии в казни и в продаже». Крестное целованье, т. е. присяга на кресте должно было служить нравственной гарантией, что судебное решение будет решено по справедливости. Если же при рассмотрении дел о грабежах и убийствах старосты и целовальники получали взятку, то им в качестве меры наказания определялась смертная казнь и штраф (продажа) в пользу царя.

Следующая статья устанавливала перекрёстную слежку друг за другом губных старост и целовальников, чтобы никто из них взяток не брал, и их взаимные доносы на самый «верх» в случае обнаружения «посула»: *«А меж себя старостам и целовальником другу над другом того смотрити, чтоб посулов и поминков никто ни у кого однолично не имал. А которой староста и целовальник учнёт посулы имать в розбойных и татинных делех, - и им на него сказывати царю и великому князю или его боярам, которым приказаны розбойные дела».*(10).

«...и нашими б и мирскими денгами никто не корыстовался...»

Но гораздо опаснее тривиальной взятки были злоупотребления должностных лиц, не только бравших с населения подарки и взятки, но и присваивавших государственные деньги. Особенно характерно такое явление было для катастрофической эпохи **Смутного времени**, совсем забывтая 400 – летняя годовщина начала выхода из которого приходится как раз на наш 2012год!

Россия была полностью разорена в результате первой в нашей истории **ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ** с самозванцами – «цариками» и царями – неудачниками, предательством «верхов», кровавым разгулом «воровских» шаек и массивной агрессией иноземцев – иноверцев; с засевшими в Кремле поляками и русскими предателями, которыми разграблена была вся государева казна князей и царей московских; наконец, с небывалой мощью патриотизма русского православного народа, во имя сохранения веры и

Государства Русского освободившего своим всенародным П Ополчением Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского сожжённую и разорённую Москву.

Новая фамилия бояр Романовых с молодым царём Михаилом, зыбко ещё сидевшая на восстановленном царском троне, нуждалась в подпорке и поддержке, которую мог дать ей только органа сословного представительства – Земский Собор, благодаря которому в 1613 г. Михаил и был избран на царство. К тому времени Земский Собор, особенно недавний «Совет всея Земли» во П Нижегородском ополчении, приобрёл огромный нравственный авторитет среди народа и первостепенную государственную значимость, поэтому с 1613 по 1622гг. Соборы действовали непрерывно, наметив вектор, но, к сожалению, так и не утвердив основание нашего отечественного парламентаризма!

Посредством Соборов для наполнения разорённой Смутой государственной Казны принимались необходимые для власти, но очень тяжёлые для народа решения об экстренных денежных сборах – «пятой деньге», что означало изъятия 20 % стоимости имущества и без того разорённого населения.

Одним из таких Земских Соборов был Собор 1616г., приговор которого показывает всю остроту положения едва избежавшего гибели Русского государства, всё ещё находившегося в состоянии войны с поляками и шведами и не имевшим средств для содержания войска, восстановления городов и крепостей. Собор провёл третий по счёту сбор «**пятой деньги**» - одной пятой со всего имущества - как обязательный налог со всех сословий. Деньги, собранные выборными с мест, целенаправленно по развёрстке предназначались только «на ратных людей».

Так, в грамоте в г. Тотьму воеводе А. И. Голочалову и подьячему Д. Боталову на основании соборного приговора было положено собрать 1000 рублей и доставить их в Москву. При этом было строго – настрого наказано - не только не брать взяток, но и следить, **чтобы не разворовали** собранные для государевой казны деньги: *«И того бояром нашим и воеводам, и всяким приказным и выборным людям смотреть и беречь накрепко, чтоб посулов и поминков никто ни у ково не имали; а хто у ково что возьмёт, а сыщется прямо, и тех людей сажати в тюрьму и животы их печатат до нашего указу, да о том к нам писат. А о том бы вам крепкой заказ смертною казнью учинит, чтоб однолично никто ни с каких людей ни у кого посулов и поминков не имали, и нашими б и мирскими денгами никто не корыстовался, и мимо б ратных людей тех зборных денег ни на какие расходы не давали, чтоб том всему православному христианству продажи и убытков не было....*

Как видно из текста, если факт взятки доказывался следствием и пыткой («сыщется прямо»), то преступников ждала тюрьма и конфискация имущества. Виновных во взятках должностным лицам (чтобы не платить тяжёлую «пятую деньгу») и виновных в расхищении «мирских» денег, становившихся государственной казной на воинские нужды ждала смертная казнь. Личную ответственность за сбор ратных денег несли и сами воеводы

Как можно понять из текста грамоты, злоупотребления должностных лиц при сборе налогов во время продолжавшейся Смуты были повсеместным явлением, а опираться в этом трудном деле предлагалось только на честных богобоязненных «выборных людей». Символично, что четыре сотни лет назад правящая власть осознавала первостепенное значение именно морального фактора – честности и порядочности людей, - критериев, совершенно выброшенных из нашей современной жизни:

«...и вы бы на Тотме на посаде и во всех слободах и в уезде гостем и посацким торговым людем и всяким жилиецким и уездным людем велели выбрати на посаде и в слободах, и их уезду людей добрых и верных душою, прямых и богобоязненных людей всем городом и выбор им за своими руками на них дати велети. ...И вы бы тех выборных людей велели привести к кресту на том, что им денги збирать неоплошно с великим радением и всяких людей окладывати пятою денгою вправду, ни по ком не покрывая».

Личную ответственность за сбор ратных денег несли и сами воеводы, которым, правда московская власть смертью не грозила (Смута привела к огромному людскому дефициту), но они также предупреждались о недопустимости взятки, так как в данном случае она грозила убытком государственной Казне: *«А самим естя от того однолично ни у кого ничево посулов и поминков не имати, и в денежном зборе никому не норовили ...»*.

Эти меры борьбы ещё слабой государственной власти и управления с повсеместным даже не взяточничеством, а **казнокрадством** проводились в труднейших для России условиях, когда иноземная интервенция не была ещё окончена, а правительство молодого царя Михаила Романова не могло заплатить «воинскому чину» за службу. Всё это грозило массовым дезертирством дворян и детей боярских и невозможностью защитить Москву от нового нашествия польско – литовских войск. Поэтому правительство, «хватаясь за соломинку», и старалось опираться на выборных людей, чьи высокие моральные качества обеспечили бы сбор необходимых средств. (11)

«...теперь определены люди честные и приятные народу, которые будут чинить расправу без посулов и всем одинаково...»

С такими словами обращался царь Алексей Михайлович к восставшему в «Соляном бунте» летом 1648г. московскому люду, обещая в судах судить по справедливости и вместо нехороших вельмож, убитых доведённым до крайности и потому восставшим народом, поставить новых, других.

Середина и вторая половина ХУП в. были метко названы современниками «бунташным» временем. На этот период и пришлось царствование нового царя **Алексея Михайловича** из рода Романовых (1645 – 1676). В первые годы царское правительство возглавлял воспитатель молодого царя боярин Б. И. Морозов, один из богатейших людей того времени. По замечанию современника иностранца, у Морозова жадность к золоту была так сильна, «как обыкновенно жажда пить». Энергичный и властный, этот царский фаворит на деле управлял страной, ставя своих родственников и ставленников во главе многих приказов, при этом лихоимство и продажность приказного аппарата приняли огромные размеры.

Лихоимство – новый термин, а означает всё то же: брать взятки, вымогать подарки и приношения, пользуясь своим служебным положением, пускаться в незаконные поборы, и, как говорит В. И. Даль, быть подкупным служителем, мздоимцем, взяточником.

Посол герцога Шлезвиг – Голштинского Адам Олеарий красочно описывает нравы в московских судах: «Хотя брать взятки всем строго запрещается, под опасением наказания за то кнутом, но их тайно берут, особенно писцы, которые вообще охотно принимают посулы и подарки».

На имя царя шли челобитные обиженных и разорённых. Так, в 1646 г. купцы подали очередную жалобу на подкуп иностранными купцами руководства Посольского приказа (тогдашнего министерства иностранных дел). «Подкупая думного дьяка Петра Третьякова многими посулами» получили грамоту на право розничной торговли по русским городам, отчего московские купцы «все были разорены до конца и от разоренья, бродя, скитались по другим городам». Купцы жаловались, что и другие иностранцы идут этим проторённым путём: «гамбургские, брабантские и голландские немцы промыслом своим и дав многие посулы и поминки» получили «государевы жалованные грамоты, а грамоты эти они взяли их Посольского приказа ложным своим челобитьем многими посулами и поминками у думных дьяков Петра Третьякова и Ивана Грамотина».

Но взяточниками были - и в ещё более крупных размерах – виднейшие деятели. Снова обратимся к свидетельству Олеария: «В этом отношении особенно отличался Леонтий Степанович Плещеев, который посажен был главным судьёй в Земском Приказе (полиция) и в Ратуше (управление Москвы). Он без меры драл и скоблил кожу с простого народа; подарками не насыщался, но когда тяжущиеся приходили к нему в Приказ, то он

высасывал у них мозг из костей до того, что обе стороны делались нищими». Этот, прославившийся безудержным произволом и вымогательством управитель Москвы, вызывал особую ненависть столичного люда.

Другой ставленник Морозова, П. Т. Траханиотов, управлявший Пушкарским приказом, сокращал денежное жалованье подведомственным приказу служилым людям и задерживал его выплату. Так же действовал в отношении стрельцов и сам Б. И. Морозов. Среди служилого сословия усиливался ропот, открыто выражавшийся в многочисленных случаях «непригожих» речей с осуждением царя и его приближённых. Провинциальные дворяне требовали устранения «неправедных судей». (12)

Историк С. М. Соловьёв писал, что «народ томился под тяжестью налогов, купечество было бедно вследствие той же причины, а также физических бедствий - неурожая и скотского падежа, наконец, вследствие дурного состояния правосудия». (13).

Последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, было введение нового налога на соль, когда при покупке с каждого пуда соли устанавливался сбор в две гривны, при этом были отменены самые обременительные налоги – стрелецкие и ямские деньги. Эти меры были проведены для пополнения государственной казны, но произошло обратное – народ стал покупать меньше соли, правительственные доходы сократились. Власти тогда отменили соляную пошлину, но в качестве компенсации стали взыскивать стрелецкие и ямские деньги сразу за предыдущие годы. Таким образом, податное население должно было сразу уплатить тройные сборы за 1646 – 1648 гг. Кроме того, взыскивались прошлые недоимки по всем другим налогам. Во главе этого дела стояли Б. И. Морозов и дьяк Назарий Чистой. В Москву со всех концов государства стекались выборные челобитчики с жалобами на бедственное положение народа.

В конце мая 1648г. в Москве вспыхнул мятеж, переросший в самое крупное городское восстание ХУП столетия, резонансом которому стали «бунташные» события, разыгравшиеся и в других городах России. «Бысть волнение, - говорит летописец, - и воссташа чернь на бояр, к ним же присташа и служилые люди, и бысть междоусобица велика». Кремль был захвачен восставшими, а стрелецкие полки отказались повиноваться правительству, заявив, что они присягали царю, а «сражаться за бояр против простого народа они не хотят». Более того, стрельцы заявили, что они готовы оказать помощь восставшим. Многие боярские дома были разграблены, и несколько человек, наиболее ненавистных народу были убиты: «Убиша миром Леонтия Плещеева, а Петра Траханиотова казниша на пожаре» - на Лобном месте Красной площади.

Сам царь, недавно вступивший на престол 18 – летний Алексей Михайлович боялся, как бы разъярённый народ не обратил своего гнева против него, а «царица, и царевичи, и царевны запершися сидели в хоромех в великом страхе и в боязни». Ситуация создалась критическая для власти, и царь и правительство старались мирно, уговорами и обещаниями прекратить мятеж. Алексей Михайлович, у которого пока не было сил для подавления бунта, решил примириться с народом и объясниться с ним лично. Воспользовавшись крестным ходом, он обратился к народу с речью, в которой сожалел, узнавши о бесчинствах Плещеева и Траханиотова, сделанных его именем, но против его воли. Царь заявил, что «на их места теперь определены люди честные и приятные народу, которые будут чинить расправу *без посулов* и всем одинаково, за чем я сам буду строго смотреть»; также он обещал понижение цены на соль, обещал расширить некоторые льготы для народа, и впредь править «с царским милосердием».

Сумев сохранить жизнь Б. И. Морозову, который вскоре вновь оказался у власти, Алексей Михайлович приостановил сбор недоимок, удовлетворил просьбы отдельных челобитчиков. А наспех созванный правительством Земский Собор в июне 1648г. вынес решение подготовить созыв нового Собора для составления свода законов (Уложения) вместо устаревшего Судебника Ивана Грозного.

Земский Собор, итогом деятельности которого стало Соборное Уложение 1649г., работал в Москве с сентября 1648 по январь 1649г. Соборное Уложение вступило в силу 29 января

1649г. Оно состояло из 25 глав и было написано на «столбце» длиной почти 310 метров. Вскоре дважды изданное типографским способом в количестве 1200 экземпляров, оно было распространено по всем приказам и уездным воеводским «избам», став фундаментом законодательства Российской империи в ХУШ – начала ХХ вв. (14)

Впервые в истории Российского законодательства в Соборном Уложении 1649г. в Главе УП «О службе всяких ратных людей Московского государства» регламентировались права и обязанности ратных людей, касавшихся их деятельности в военное время. В эту регламентацию входило и запрещение оставления войска ратным человеком за взятку: *«Да и бояром и воеводам без государева указу ратных людей з государевы службы не роспуцати и посулов и поминков не имати». «А будет бояре и воеводы без государева указу ратных людей з государевы службы учнут отпуцати, и посулы и поминки имати, а сыщется про то допряма, и бояром и воеводам за то чинити жестокое наказание, что государь укажет».*

Как видим, эти статьи предусматривают запрещение высшему командному составу (боярам и полковым воеводам) отпускать с военной службы ратных людей без царского указа, а также брать взятки. Наказание за взятки и иные поборы по поводу освобождения от воинской службы устанавливалось по усмотрению царя, но о строгости мер говорит упоминание дознания с пыткой («а сыщется про то допряма») и угроза царского жестокого наказания. (15)

Как и в предыдущих Судебниках и других законодательных актах, в Соборном Уложении 1649г. повторялось запрещение старого зла российского суда - взяточничества. В главе Х «О суде» этому было посвящено несколько статей, где речь идёт о московских приказах с их вечной волокитой и взяточничеством: *«А будет которои боярин или околничей, или думной человек, или иной какой судья, исца или ответчика по посулом, или по дружбе, или по недружбе правого обвинит, а виноватого оправит, а сыщется про то допряма, и на тех судьях взятии исцов иск втрое, и дати исцу. ... Да за ту же вину у боярина, и у околничего, и у думного человека отнятии честь. А будет которои судья такую неправду учинит не из думных людей, и тем учинити торговая казнь, и въпередь им у дела не быти».*

Повторяя прежние запретительные статьи старых Судебников, статья вносит и новые ужесточающие положения – применение пытки («сыщется про то допряма») и угрозу лишения думных людей их чинов («отняти честь»).

Но не только в Москве, а и на периферии, в уездах воеводы и их штат творили такие же «неправды»: *«Да в городех воеводам и всяким приказным людем за такие неправды чинити тот же указ».*

Здесь развиваются идеи предыдущей статьи. Наказанию за взятки подлежали начальники (судьи) не только центральных, но и местных государственных органов – городовые воеводы.

Целый ряд статей говорит о пресечении взяточничества среди приказного руководства (судей), которые брали взятки сами или через третье лицо - своих родственников – сыновей, племянников или других людей. Судное дело по таким преступлениям должны были разбирать члены Боярской Думы (*«слушати бояром»*) с проведение очной ставки (*«ставити с очей на очу»*), пыткой (*«роспрашивать и сыскивати про посул всякими сыски накрепко»... , да будет сыщется допряма, что посул взят по судьбину велению*). (16).

Приговор был прерогативой царя, так как бояре, руководители приказов, члены Боярской Думы были правящей аристократической элитой ХУП века.

Хорошими ли были управителями, то есть государственными деятелями бояре московские? По - разному, и, как всегда, всё зависело от личных качеств человека. Но их высшее положение определяло происхождение, служба предков, царские пожалования, что суммировалось в утвердившейся веками системе местничества, былыми заслугами

предков гарантировавшего должностное положение потомка, вхождение в правящую среду, разделявшую с царём бразды государственного управления.

Что это была за среда? В. О. Ключевский в своей «Боярской Думе» пишет, что «Для всякого общества нелёгкое дело создать класс, пригодный к управлению. Русские люди в те века были ещё очень далёки от того уровня общественного развития, на котором любой гражданин, удостоенный мирского доверия, способен стать хорошим управителем. Тогда все занятия были наследственными и наследственность обеспечивала их успешность, служила лучшей школой мастерского умения. Личные склонности не принимались во внимание, личные таланты считались маловажной случайностью. Та же мерка прилагалась и к правительственному ремеслу. Далеким потомком властных предков происхождением своим предназначался и предназначал сам себя к роли властителя, смолоду усвоив её требования, приёмы, манеры. ... Когда личность ценилась невысоко и высокой оценки мало заслуживала, генеалогический ценз всего надёжнее политическое значение лица. Так привычка правящего класса к власти, и привычка общества к правящему классу при невозможности заменить его другим, была второй и двойной опорой положения боярства в государстве». (17)

Среда боярская не судила сама себя строго по интересующим нас взяточным делам, это было государевой прерогативой, что же касается лиц из других социальных слоёв, то статей законодательства на них хватало, причём с жестокими наказаниями, хотя такие наказания были обычной судебной практикой до эпохи императрицы Елизаветы Петровны (середина XVIII в.). Например, такие статьи Соборного Уложения 1649 г. : *«А будет сыщется, что посул взят без судейского ведома, и тому, кто посул взял на судью, а судья того не ведает, учинити наказание, бити кнутом нещадно, а взятое на нём взятки в государеву казну втрое, да его же посадить в тюрьму до государева указа»*.

«А будет какое дело, кто челобитчик на судью затеет напрасно, и обвинён он по делу, а не по посулом, и того челобитчика за ложное его челобитье самого по по тому же бити кнутом нещадно. Да на нём же тому, кого он поклеплет, доправити бесчестие втрое, да его же посадити в тюрьму до государева указа».

Статьи предусматривают случай, когда взятка передаётся через третье лицо. Оно не привлекалось к ответственности. Уголовному наказанию подвергался лишь мошенник, который взял деньги от имени судьи и якобы для него, но в действительности без его ведома. В случае необоснованного обвинения во взяточничестве лицо, возбуждившее дело, подвергалось уголовному преследованию.

Но меры правительства, как говорит В. О. Ключевский, оказывались бессильными против обычая. Наказания за лихоимство в суде, отличавшиеся особой суровостью, не много имели успеха. Правда, уличённый в лихоимстве должен был возратить взятые подарки и под угрозой правежа (избиение палками) выплатить штраф в сотни рублей, смотря по должности. А незначительного дьяка, уличённого в лихоимстве, наказывали кнутом, привязав лихоимцу на шею взятую в подарок вещь, кошелек с деньгами, даже солёную рыбу, потом отправляли наказанного в ссылку.

Взятки же не истреблялись, хитрецы придумывали способ обходить закон: челобитчик входил к судье и привешивал подарки к иконам, будто бы на свечи, или судьи брали взятку через родственников. Поэтому иностранцы, побывавшие в России XVIII в., были убеждены в продажности суда в Московском государстве, в том, что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было преступления, которое не могло бы при помощи денег ускользнуть от наказания. Иностранец, приехав в Москву, прежде всего узнавал, что здесь посредством подарков можно всего добиться, даже при дворе. Даже должность палача была очень выгодна! Кроме царского жалованья этот «запечных дел мастер» получал значительные доходы, тайно продавая водку содержащимся под его надзором арестантам и принимая от них посулы за обещание полегче наказывать. (18)

Воеводы и «крапивное семя» (подьячие, ярыжки, приказные крючки)

Помогли ли законодательные меры первых русских царей извести эту извечную болезнь русского общества и государства? Конечно, нет. В ХУП веке, который начался «Смутой» и продолжился народными «бунтами», взяточничество управленческого аппарата отнюдь не пошло на убыль. Сам же управленческий аппарат в правление первых Романовых – царя Михаила и его отца патриарха Филарета был не только восстановлен, но и укреплен системой из десятков **приказов**.

Приказы, как органы центрального управления, в конце ХУ – ХУ1 вв. выросли из практики из отдельных поручений («приказов») великого князя своим доверенным слугам, которые составляли штат княжеского дворцового хозяйства, «приказывая им ведать какую – либо отрасль дворцового хозяйства и управления.

С течением времени выросла целая государственная управленческая структура, ставшая надёжной системой возглавлявшихся боярами органов центрального управления, состоявшей из примерно из восьми десятков приказов, причём, постоянно действующими из них была половина. Приказы были наполнены штатом дьяков, повытчиков, подьячих, писцов, переписчиков, приставов и других, необходимых для ведения разраставшегося делопроизводства лиц.

Далеко не все они были чиновными людьми. **Чин** в ХУ1 – ХУП вв. был царским пожалованием для членов Боярской Думы, этого, по выражению бессмертного В. О. Ключевского, «махового колеса, приводившего в движение весь правительственный механизм». В Боярскую Думу царь «жаловал» чинами бояр, окольников, думных дворян и думных дьяков, и далеко не каждый князь мог быть пожалован чином боярина или окольного. А начальниками или «судьями» главнейших приказов были обычно бояре и «думные люди» «с товарищи» (заместителями); с ними в приказах сидели дьяки (секретари) и подьячие (писцы). Второстепенными приказами управляли дворяне с дьяками или одни дьяки. По подсчётам современника Григория Котошихина, в середине ХУП в. дьяков было в Московском государстве «со 100 человек, а подьячих с 1000 человек».

Главными деятелями и двигателями приказного управления были, конечно, дьяки, ибо аристократические начальники приказов едва ли могли хорошо разбираться в том бумажном море, в котором только дьяки и подьячие могли плавать «как рыба в воде».

При той системе бюрократической централизации, которая развилась в Московском государстве в ХУП в., московские приказы были завалены бесчисленным количеством судебных и административных дел, множеством донесений и запросов от местных управителей – воевод. Воеводы, опасаясь государева гнева в случае ошибки («оплошки»), обращались в Москву по всяким мелочам с обычным своим запросом: «и о том великий Государь что укажет?». Конечно, великий государь с Боярской Думой мог решать только важнейшие дела. Все же обыкновенные дела, возникавшие как по воеводским «отпискам», так и по челобитным частных лиц, решали **дьяки** – знатоки законов указов, наказов (инструкций) и канцелярских обычаев.

Иногда дела залёживались подолгу в одном приказе, иногда бумаги долго путешествовали из одного приказа в другой, ибо если дело представляло какие – либо неясности и затруднения, то получивший бумагу дьяк рад был сплавить её в другой приказ или «положить под сукно». Немудрено, что челобитчик, попадавший в московский бумажный лабиринт, жаловался царю – государю, что его противник «хочет изволочить меня московскою волокитою». Почти единственным реальным средством решения гражданских и других дел в ХУП в. (да только ли!) был всё тот же «**посул**» - сиречь элементарная взятка!!!

Местное управление после окончания Смуты сформировалось в виде воеводской власти при которой находился штат грамотных специалистов делопроизводства – дьяков,

подьячих, писцов и другого мелкого канцелярского вспомогательного персонала, метко прозванного народом «**крапивным семенем**» - как за зелёный цвет форменного кафтана, так и за известное отношение к просителям, неистребимые повадки вымогательства, взяточничества, сутяжничества, намеренного затягивания решения дел, которое в допетровской Руси образно звалось «волокитой московской». Так было в Москве, так было и во множестве **уездов** (город с подчинёнными ему волостями), на которые делилось разраставшееся в своих границах Московское царство. По росписи 1625г. в полторы сотни городов с уездами были назначены воеводы.

Городовой воевода со времени царствования Михаила Фёдоровича стал основным звеном местного управления в уезде. Наместники и волостели ушли в прошлое. Теперь воевода был настоящим правителем вверенному ему города – крепости и «тянувшего» к нему уезда, который по территории равнялся нескольким современным областям. В лице воеводы раздробленный на мелкие миры уезд объединялся в одно административное целое, так как воевода в своём лице представлял государственный порядок, «ведал дела» не на себя, как кормленщик, а на царя. Но воевода был не выборным на месте «земским» лицом, а правительственным агентом, назначавшимся московским приказом (для Саратовского Края таковыми были Приказ Казанского Дворца и Разрядный Приказ).

А как можно было попасть на воеводство? Бояре, окольниковые, думные дворяне и иные чиновники государева двора нередко просились «на воеводство покормиться» и писали челобитную на царское имя. Но можно было ускорить процесс и гарантированно получить выгодное воеводство, и все знали, что нужно делать.

В. О. Ключевский пишет, что управители приказов, из которых посылались воеводы, пользовались этим как выгодной статьёй дохода и торговали воеводствами. Так, в упомянутых уже приказах – Разряде и Казанском – были положены оклады, что за каждый город взять; и кто платил их, тот и получал воеводство.

Сочную картину сборов боярина на воеводство дал историк С. М. Соловьёв в своей знаменитой «Истории России с древнейших времён»:

«Приказы были наполнены подьячими, которые делились на старых, средней статьи и молодых; разница в жалованьи была в ином приказе ни 40 рублей до 2, в другом от 65 до 4, в третьем от 50 до 5. Кроме подьячих, получавших жалованье, верстанных, были ещё служившие без жалованья, из одних доходов, невёрстанные, которые также разделялись на старых и молодых. Этим невёрстанным в ином приказе было немало – доказательство, что можно быть сытыми и без государева жалованья, из одной писчей бумаги.

Бояре, окольниковые, думные дворяне и дьяки засели по приказам; но много ещё остаётся служилых людей не так знатных, которым нет места в приказах, а покормиться надобно, бьют челом в воеводы покормиться, челобитная исполнена. Рад дворянин собираться в город на воеводство – и честь большая, и корм сытный. Радуетя жена: ей тоже будут приносы; радуются дети и племянники: после батюшки и матушки, дядюшки и тётушки земский староста на праздниках зайдёт и к ним с поклоном; радуетя вся дворня – ключники, полдклетные: будут сыты; прыгают малые ребята: и их не забудут; нуще прежнего от радости несёт вздорные речи юродивый (блаженный), живущий во дворе: ему также будут подачи. Всё поднимается, едет на верную добычу».

В. О. Ключевский пишет, что приехав в уезд, воевода старался прежде всего с лихвой вознаградить себя за издержки, которых стоила ему покупка воеводства, и брал широкой рукой, зная, что начальник приказа, от которого он зависел, не даст хода жалобам обиженных. Благовидным способом, к которому обычно прибегали воеводы для вымогания подарков у местных жителей, были пиры, на которые приглашались наиболее зажиточные и торговые люди города и уезда. Приглашённые хорошо понимали цель этих пиров, и во избежание неприятностей старались щедро отблагодарить воеводу за честь. Сытному кормлению, которое устраивали себе воеводы, подобно прежним наместникам,

соответствовал и их наружный вид и обстановка, которой они окружали себя. Иностранцы посмеивались над боярской дородностью, которой отличались областные правители. (19). В центре и на местах боярам и воеводам неизменно сопутствовал всё разрастающийся штат дьяков, подьячих, писцов, которые вели делопроизводство в специальных «избах», «дворах». За свою управленческую службу бояре, воеводы и дьяки «верстались» земельными пожалованиями и денежными окладами, но они же и «кормились от дел своих». Примеру начальства, как водится, следовала вся приказная и воеводская канцелярская мелкота.

Относительно последней, смекалистый русский народ всё замечал и оставил меткие прозвища, собранные В. И. Далем. В приказных и воеводских «избах» с медными чернильницами на шее и запасными перьями за ухом скрипели перьями «приказные» (писцы без чина, канцелярские служители, вообще служившие в приказе, суде, палате, канцелярии).

Эти «приказные крючки», бранно прозванные народом «приказной строкой», известной своей деятельностью породили и множество метких и хлётких пословиц: «приказный проказлив: руки крюки, пальцы грабли, вся подкладка один карман!»; «приказный в чернилах крещён, в гербовой бумаге повит, концом пера вскормлен!»; «приказный народ удалой, пролазный». В пословицах доставалось дьякам и подьячим: «быть делу так, как пометил дьяк»; «как дьяк у места, так всем от него тесно»; «дьяк у места, что кот у теста»; «подьячий – породы собачей»; «подьячий крючок, бумажная, чернильная душа»; «подьячего бойся и лежачего»; «подьячий - любит принос горячий»; «подьячий и со смерти за труды просит»; «подьячим и на том свете хорошо: умрёт, - и прямо в дьяволы».

Не обошли русские поговорки и присловья своей меткой печатью и ярыгу, ярыжку, низшего полицейского служителя русского средневековья, синоним бездельника и бражника, шатуна и мошенника: «кто с ярыжкой поводится, без рубахи находится»; «за ярыжкой брань не пропадает»; «гори кабак с целовальником, а ярыжки – на берег».

Система «кормлений», особенно на местах, продолжала существовать во весь период допетровской России, благополучно пережила она и имперский период, да и закончилась ли она вообще?

При отправлении на должность воевода получал из московского Приказа инструкцию («наказ»), которой пеленал его по рукам и ногам длинным перечнем всех его обязанностей. Но, прибыв на место, воевода быстро сбрасывал эти канцелярские пелёнки и, чувствуя, что «до Бога высоко, а до царя далеко», превращался порой в настоящего сатрапа, не знавшего удержу порывам своего произвола.

Срок службы воеводы был короткий: 1 – 3 года, и это было не случайно. Правительство понимало, что больший срок управления данного воеводы народ просто не вытерпит. Поэтому, чтобы предотвратить стихийные, но справедливые бунты, воеводу смещали раньше, чем он успевал особенно много награть, и переводили на другое место службы. Акт сопровождался своеобразной ревизией, результат которой был известен Москве. По заключению дореволюционного историка А. А. Кизеветтера, это был единственный способ контроля, доступный первобытному государственному механизму допетровского времени.

Забавно, что регулярное снятие с должности прежнего воеводы сопровождался целым спектаклем, когда из Москвы, из приказа, за которым был закреплён тот или иной уезд, приезжал новый воевода с московским дьяком или даже боярином. На главной площади уездного города – крепости с церковного амвона по царской грамоте вычитывались «вины» снимаемого с должности воеводы. В качестве особой царской милости к нуждам городских и уездных «людишек» в стереотипный и официально - утверждённый текст речи раз и навсегда было внесено твёрдое царское слово о том, что прежний воевода жителей грабил и притеснял, а царь смиловался и прислал нового воеводу, который народ

грабить и притеснять уже не будет, и уж точно «посулов» брать не будет, и вообще станет всем им - «холопом государевым» просто «отцом родным».

Года через три опять происходила смена воевод, и только что отставленный воевода снова получал из уст своего преемника ту же самую нелестную характеристику.

Но это был только своего рода «ПИАР» ХУП века в силу того, что государство ещё долго было не в состоянии содержать свой аппарат власти и управления, и по устоявшейся традиции перекладывало на податное население (налогоплательщиков) эту непомерно тяжкую ношу.

Сотню лет назад, историк А. А. Кизеветтер пришёл к выводу, что московское правительство прекрасно отдавало себе отчёт о том, что представляет собой тот или иной, присылаемый из столицы администратор. Поэтому оно «раз и навсегда аттестовало всех своих воевод грабителями и притеснителями, поручая самим же воеводам провозглашать эту аксиому в официальных речах при приёме должности.

И в подавляющем большинстве случаев воеводы старались оправдать основательность этой аттестации. От воеводских злоупотреблений терпела и казна и население. Значительное количество казённых доходов попадало в карманы воевод. В указах ХУП в. не однажды встречаются категорические заявления о том, что недоимочность по государевым сборам проистекала от воеводского казнокрадства: *«Из всякого сбору, что собирают на государя, бояре и воеводы и дьяки мимо государева указу имали на дворы свои и тем користовались», «и в городех воеводы государевых доходов сполна не собирают для своего лакомства»* - такими выражениями характеризовало само правительство уровень служебной честности своих агентов».

Чтобы пресечь на местах всеобщее зло лихоимства, казнокрадства, взяточничества, московское правительство первых Романовых применяло приёмы не столько контроля, сколько «открытой правительственной борьбы со своими собственными чиновниками, поголовно подозреваемыми в грабеже и лихоимстве». Правительственные меры исходили их заранее готового убеждения в неизбежной виновности воевод. В существовании воеводских злоупотреблений московские власти не сомневались и стремились только к возможному количественному их ограничению».

Поэтому, несмотря на укоренившийся обычай сбора воеводской родни на воеводство, о котором выше говорит С. М. Соловьёв, официально «воеводам запрещалось брать с собой на место назначения родственников и знакомцев из опасения, что они, под покровительством воеводы, будут только грабить казну и притеснять жителей. У самих воевод при выезде из Москвы, в особенности в дальние, например, сибирские воеводства, описывали все запасы, которые они брали с собой, а по их возвращении с воеводства сверяли эти списки, чтобы проверить, на сколько воеводы разжились за время своей службы. Поэтому всё излишнее против учтённого в первоначальной описи, считалось незаконным прибытком и конфисковалось в казну.

Любопытная мера в этом случае применялась к досмотру имущества сибирских воевод, которым позволялось вывозить не более 500 рублей с Тобольского и Томского воеводств, а из других сибирских городов не более 300. Всякий излишек против этих норм заранее, априори, признавался результатом незаконного грабежа и мздоимства и подлежал отобранию в казну на специальной заставе в Верхотурье. Сибирский воевода для жителей своего округа был «и царь и бог», он был практически неуязвим от полного бессилия официального контроля».

Многочисленные мирские челобитья доносят их ХУП в. известия о воеводских вымогательствах «посулов» и взяток, которые сопровождались побоями и мучительствами. Приведённый А. А. Кизеветтером отрывок из мирского челобитья шуяна от 1665г. на действия воеводы Биркова показывает весь ужас произвола местного администратора, который вынуждены были терпеть жители: «И он, воевода, почал нам, сиротам твоим, посадским людям, чинить тесноту и налогу большую и напрасные продажи и убытки; бьёт нас, сирот твоих, посадских людей без сыску и без вины и сажает

в тюрьму для своей корысти и, выимая из тюрьмы, бьёт батогами до полусмерти без дела и без вины. И в прошлом году убил он, воевода, заперши у себя на дворе, таможенного ларёшного целовальника Володьку Селиванова до полусмерти и таможенному сбору учинил поруху большую. Многих проезжих торговых людей, соляных и рыбных промышленников, примешиваясь к ним для своих корыстей, убытчал и разорил и в тюрьму сажал и многих приезжих торговых людей разогнал и торги разбил и твой, Великого Государя таможенный сбор остановил. И ныне он, воевода, примешивается к нам, сиротам твоим, беспрестанно для своей корысти, всячески хотя нас разорить и разогнать и домишки наши запустошить и убийством своим многих нас, посадских людей, хотя в конец погубить».

Иные воеводы предпочитали буйным бесчинствам более спокойные, но не менее действенные методы обогащения за счёт местного населения. Так, «енисейский воевода Голохвастов открыл торговлю «безмужними жонками», отдавая их на блуд и выручая по этой статье вместе с отдачей на откуп корчмы и зерни (азартная игра – А. Е.) рублей по 100 и больше. В то же время на обязанности этих «жонок» лежало возводить лживые поклёпы на проезжих торговых людей, которых по тем поклёпам заключали под стражу без сыску и расспросу с тем, чтобы опять – таки поживится за их счёт при освобождении, которое стоило сорок или два сорока (80 шкур) соболей с человека. Когда местные торговые жители уезжали из города по делам, воевода захватывал в застенки их жён и пытками выведывал у них, где хранится в их домах серебряная казна, которая немедленно и отбиралась на воеводу.

Таким образом, поставив во главе областного управления своих коронных агентов, московское правительство не могло надёжно охранять интересы местного населения в форме авторитетного правительственного надзора за действиями этой воеводской администрации.

Что же оставалось делать угнетённому воеводами населению? Оно усердно строчило жалобные красноречивые челобитья – «слезницы» на бесчинства московских агентов – воевод. Но проку было мало. Другое средство обуздания воеводского произвола видели в восстановлении местного самоуправления, действовавшего со времён губной и земской реформ времени Ивана Грозного. В 30 – 40 гг. ХУП в. выступления на Земском соборе и обращение к правительству с челобитьем – это пока ещё допускавшиеся правительством формы заявления сословий о своих правах и претензиях, формы «легального» протеста. На Земском Соборе 1642г. особенно острым было выступление служилых дворян из Нижнего Новгорода и Муром, указывавших на бояр и ближних к царю людей, «пожалованных государским жалованьем против их чести» и государевой службы. Называют они и дьяков и подьячих, которые, «находясь постоянно у твоих государевых дел», помимо государева жалованья разбогатели «многим богатством и неправедным своим мздоимством», понакупили вотчины и понастроили «домы, палаты каменные такие, что неудобь – сказаемые», а при прежних государях никогда ничего подобного не было. Говорили эти провинциальные служилые дворяне и о московских городских дворянах, которые, «будучи у государевых дел, отяжелели и обогатели большим богатством».

О самоуправлении как о панацее от воеводского произвола (чуть не сказал «беспредела»), приведшего ко всеобщему народному оскудению, вспоминали купеческие депутаты того же Земского Собора 1642г. В своей коллективной челобитной они прямо заявляли: ***«а в городех всякие люди обнищали и оскудели до конца ОТ ТВОИХ ГОСУДАРЕВЫХ ВОЕВОД; а торговые людишки, которые ездят по городам для торгового промыслишка, от их же воеводского задержания и насильства в проездех торгов своих отбыли. А при прежних государех в городех ведали губные старосты, а посадские люди судилися сами промеж себя, а воевод в городех не было».*** (20)

В этой челобитной купеческие верхи (гости и люди гостинои и суконной сотен) особенно подчёркивали притеснения воевод, которые мешали проезду торговых людей по городам, задерживая их и чиня им «насильства». Но упования на возрождение выборных органов

мирского самоуправления был только запоздалым и бесполезным «вздохом по старине», так как к середине ХУП выборная мирская служба окончательно приняла характер отбывания натуральной повинности под властным и принудительным руководством приказных людей.

Исторически Россия шла к абсолютистской монархии, а формы народного сопротивления власти принимали всё более отчётливый радикально – кровавый характер. Как известно, в царствование Алексея Михайловича небывалым по силе народного сопротивления власти стало народное восстание, известное как **РАЗИНЩИНА**. Как тут не вспомнить известные строки А. С. Пушкина, относящиеся к другому аналогичному явлению нашей истории – **ПУГАЧЁВЩИНЕ**: *«Не приведи бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».*